

В. В. Знаков, Е. М. Турок

ПОНИМАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

В статье анализируются психологические и социально-демографические факторы, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы (ТУ). В эмпирическом исследовании, проведенном на 698 жителей Саранска и Смоленска, показано: 1) у женщин и молодых испытуемых индексы переживания ТУ выше, чем у мужчин и взрослых; 2) предикторами общего индекса переживания являются личностная тревожность, макиавеллизм и способность контролировать ситуацию; 3) понимание ТУ тревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах терактов; 4) макиавеллисты понимают теракты как универсальные манипулятивные способы решения задач, достижения целей; 5) испытуемые с высокой способностью к контролю поведения подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей.

Ключевые слова: террористическая угроза, понимание, переживание, тревожность, макиавеллизм, контроль поведения.

The article analyzes the psychological and socio-demographic factors that affect the understanding and experience of the terrorist threat. In empirical studies, held at the 698 residents of Saransk and Smolensk, shows: 1) women and young subjects, the indexes of experience a terrorist threat is higher than men and adults, and 2) predictors of the overall index are experiencing personal anxiety, machiavellianism and the ability to control the situation and 3) understanding the terrorist threat, disturbing the subjects focused on the emotional and irrational aspects of the attacks, and 4) Machiavellian people understand the attacks as universal manipulative ways to solve problems, achieve goals, 5) subjects with high ability to control behavior stress of planning the attacks and targeted actions of people involved in them.

Key words: terrorist threat, understanding, experience, anxiety, machiavellianism, behavior control.

Проблема. В современном мире терроризм приобрел такие масштабы, что представляет собой угрозу существованию всего человечества. По определению Министерства обороны США, терроризм — это «преднамеренное использование насилия или угрозы насилия для того, чтобы внушить страх, предназначенный для запугивания (принуждения) правительства или общества, достижения целей, которые, как правило,

Знаков Виктор Владимирович — докт. психол. наук, гл. науч. сотр. ИП РАН, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* znakov@rol.ru

Турок Елена Михайловна — ст. преп. Смоленского гуманитарного ун-та. *E-mail:* totem-elena@yandex.ru

являются политическими, религиозными или идеологическими» (Todd, Wilson, Casey, 2005, p. 184). Неудивительно, что сегодня психология терроризма — одна из наиболее научно и практически значимых областей психологической науки. Она включает в себя исследования психологии террористов, изучение посттравматических стрессовых расстройств у прямых и косвенных жертв терактов, анализ роли СМИ в формировании образа врага по отношению к членам террористических организаций, рассмотрение терроризма как способа общения (в виде психологического насилия), направленного на запугивание, т.е. актуализацию страха у населения и власти.

В этой статье мы рассмотрим только один аспект многогранной и сложной проблемы терроризма: как понимают и переживают *террористическую угрозу* (ТУ) люди в небольших городах центральной России, в которых не было терактов. Под пониманием и переживанием ТУ мы вслед за Ю.В. Быховец и Н.В. Тарабриной будем иметь в виду субъективную оценку риска стать жертвой теракта. Психологическая структура понимания и переживания ТУ состоит из трех компонентов — когнитивного, эмоционального и поведенческого. Когнитивный — это антиципация и репрезентация осознаваемого уровня реальности угрозы, ее вероятности и возможных последствий. Эмоциональный компонент может быть как осознанным, так и не осознаваемым; он проявляется в возникновении психологического состояния, заключающегося в ощущении утраты контроля над обстоятельствами, значимыми для жизни субъекта. Поведенческий компонент проявляется, например, в увеличении потребления наркотических средств, алкоголя и сигарет после терактов (Быховец, Тарабрина, 2010).

Исследование понимания и переживания ТУ ставит перед психологами две взаимосвязанные проблемы: 1) как люди преодолевают страх смерти, неизбежно возникающий при упоминании о терактах (в СМИ или даже в условиях психологического эксперимента) и 2) в каких смысловых единицах они структурируют свое понимание мира, изменяющееся в результате терактов.

Первая проблема изучается преимущественно в рамках теории управления страхом смерти. Эта теория стала особенно актуальной после 11 сентября 2001 г. (Landau et al., 2004). Понимание неизбежности собственной смерти — одна из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия. Можно рационально осознавать, что мир опасен и несправедлив, но на более глубоком подсознательном уровне чувствовать, что ты в безопасности, способен избежать неудачи. В данной теории утверждается, что подчинение культурным стандартам и ценностям предохраняет субъекта от чувства тревоги, возникающего вследствие понимания собственной уязвимости и смертности. Принятие общечеловеческих ценностей позволяет ему почувствовать себя необходимым, включенным в сообщество людей, соблюдающих примерно одинаково-

вые социальные и моральные нормы. После резких катастрофических изменений люди ищут ответ на вопрос: может быть, то, что с нами произошло, — следствие несоблюдения или искажения моральных норм (распространенности однополых браков, проституции, аборт и т.п.)? Неудивительно, что после сентября 2001 г. некоторые ученые стали называть США «морализирующей нацией» (Janoff-Bulman, Sheikh, 2006).

Вторая проблема заключается в том, что понимание как ценностно-смысловое структурирование мира не может анализироваться без обращения к специфике ментального (Холодная, 2002) и экзистенциального опыта понимающего субъекта. Поскольку понимание ТУ рядовыми гражданами основывается не на достоверных знаниях (которыми могут располагать только сотрудники спецслужб, да и то в редких случаях), то можно предположить, что ментальный, умственный опыт субъекта задействован при этом в минимальной степени. Основную роль в понимании ТУ играет экзистенциальный опыт, состоящий, по крайней мере, из трех компонентов — *тезаурусного, интенционального и этического*. Первый компонент образуют неявные знания, включающие мнения, убеждения, отношения; второй — интенциональные структуры, определяющие направленность и избирательность индивидуальной психической активности; в третий компонент входят такие представления о морально должном, которые принципиально не поддаются полному осознанию. Следовательно, названные компоненты опыта характеризуются недостаточной доказательностью, осознанностью и вербализованностью (Знаков, 2009). Именно такой опыт становится семантическим основанием, внутренними неосознаваемыми условиями понимания субъектом ТУ. В частности, в работе Дж. Парк с соавторами показано, что у белых американцев только использование теста скрытых ассоциаций (и непосредственно после предъявления информации о терроризме) позволяет выявить неосознаваемые негативные установки по отношению к арабам-мусульманам. До этого, соблюдая политкорректность и социальную желательность, испытуемые не осознавали, что связывали с терактами именно мусульман (Park et al., 2007). Установки являются частью экзистенциального опыта субъекта, того ценностно-смыслового основания неявного знания о мире, на котором строится трудно описываемое словами иррациональное чувство, что ты можешь стать жертвой теракта.

Цель проведенного нами эмпирического исследования состояла в выявлении психологической специфики понимания и переживания ТУ испытуемыми, различающимися по полу, возрасту и личностным свойствам.

Выборка. В исследовании приняли участие 698 испытуемых (353 женщины и 345 мужчин) из Саранска и Смоленска — городов, в которых не было терактов. Испытуемые — студенты, работники сферы обслуживания, инженеры, сотрудники ГУИН в возрасте от 17 до 57 лет

(средний возраст $M=24.3$ года, стандартное отклонение $SD=7.87$). В обоих городах женщины и мужчины были представлены равномерно (количественные различия статистически не значимы): Саранск — соответственно 210 и 190, Смоленск — 143 и 155.

Авторы благодарят О.О. Полякову, Н.С. Полутину и С.И. Соболева, участвовавших в проведении исследования.

Методика

На первом этапе исследования испытуемые анонимно заполняли пять опросников: шкалу базисных убеждений (ШБУ) (Падун, Тарабрина, 2004), опросник Спилбергера—Ханина на личностную тревожность (Бурлачук, Морозов, 2004), методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2001), опросник смысловых ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000), опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, 2007; Быховец, Тарабрина, 2010).

На втором этапе испытуемые по три раза продолжали каждое из трех незаконченных предложений: 1) Террористический акт — это ...; 2) Люди понимают террористическую угрозу ...; 3) Терракты совершают люди ... Результаты подвергались качественной обработке и контент-анализу. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («Страх, боль, страдание», «Спланированная акция», «Насилие, направленное на запугивание», «Религиозные фанатики, психически нездоровые люди»).

Итоговые результаты по методике ОПТУ анализировались как показатели *переживания* испытуемыми ТУ. Совокупность продолженных предложений рассматривалась как выражение семантического пространства *понимания* обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под угрозой террористического акта, как оценивают совершающих теракты людей, считают ли, что в современном мире теракты неизбежны, и часто ли задумаются над тем, как избежать участи жертвы. Во множестве ответов на пункты опросников и в продолжениях незаконченных предложений, в конечном счете, проявлялись семантические основания, внутренние и внешние условия понимания субъектом ТУ.

Обработка. Статистический анализ данных проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова—Смирнова, Манна—Уитни, биномиального критерия, χ^2 , а также корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты

Рассмотрим полученные в исследовании половые, возрастные, личностные различия испытуемых в понимании и переживании ТУ.

Половые различия. По общему показателю ОПТУ (переживанию ТУ) результаты 353 женщин значимо выше результатов 345 мужчин: $M=53.9$ и $M=47.7$, $p<0.01$. Личностная тревожность у женщин также выше, чем у мужчин: $M=45.7$ и $M=38.7$, $p<0.001$. Вместе с тем по ШБУ у женщин ниже, чем у мужчин, «контролируемость» (убеждение в том, что люди могут контролировать происходящее с ними и способны предотвращать нежелательные последствия событий): $M=11.6$ и $M=12.5$, $p<0.001$, а также «способность контролировать ситуацию» (убеждение в том, что можно не только осознавать происходящее с тобой, но и поступать так, чтобы ситуация складывалась в твою пользу): $M=16.7$ и $M=17.6$, $p<0.001$.

Неудивительно, что, продолжая незаконченные предложения, женщины подчеркивают то, что нельзя контролировать: «Террористический акт — это акт агрессии психологически неуравновешенных людей с целью доказательства своего мнимого превосходства»; «Люди понимают террористическую угрозу как какое-то ужасное действие, которое никто не в силах предотвратить». Противостоять террору невозможно, потому что его основой является «психологический срыв, страх». У мужчин проявилась оценочная идентификация себя с террористами по качеству силы/слабости: «Угроза слабых мужиков с оружием беззащитным людям». Они также чаще указывают на социальную подоплеку, действительные, но скрытые причины терактов: «Насажение угрозами и насильственными методами чьих-то идей».

Возрастные различия. Сравнение 190 молодых испытуемых из нижнего квартиля распределения по возрасту ($M=18.8$ года) и 184 взрослых испытуемых из верхнего квартиля ($M=35.4$ года) обнаружило, что у младших выше, чем у старших показатель ОПТУ ($M=53.0$ и $M=50.5$, $p<0.01$), тревожность ($M=44.5$ и $M=41.6$, $p<0.01$) и макиавеллизм ($M=75.0$ и $M=69.2$, $p<0.001$). Однако у младших ниже оценки по базисным убеждениям в доброжелательности мира (мир в целом — достойное место для жизни, неудачи в нем происходят довольно редко, а субъекта окружают в основном порядочные, достойные доверия люди, которые при необходимости придут на помощь): $M=30.7$ и $M=33.9$, $p<0.01$; по справедливости (убеждение в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый получает то, что заслуживает): $M=17.5$ и $M=18.4$, $p<0.04$; по общему показателю СЖО: $M=101.7$ и $M=108.5$, $p<0.005$.

Продолжая незаконченные предложения, девушки нередко подчеркивают несамостоятельность принятия решения террористами, невозможность противостоять чужой воле: «Теракты совершают люди под влиянием кого-либо, лидера, которому не могут сопротивляться; они слабые и поддающиеся уговорам, внушению». Для юношей важно нарушение своего понимания современной социальной действитель-

ности: «Люди понимают террористическую угрозу как непонимание действий тех, кто совершает такие поступки».

Личностные различия. Регрессионный анализ показал, что двумя значимыми предикторами, по которым можно предсказать оценки по суммарному показателю ОПТУ для всей выборки (698 человек), являются личностная тревожность ($Beta=0.40$, $p<0.001$) и макиавеллизм ($Beta=-0.15$, $p<0.001$). Эти результаты дали новое направление обработки данных: выяснение того, чем различаются испытуемые с высоким и низким уровнем выраженности названных личностных черт.

Сначала сравнивались данные 180 испытуемых из нижнего ($M=56.2$) и 189 из верхнего ($M=86.6$) квартиля распределения по шкале макиавеллизма. У первых выше оценки по шкале «Антиципация» ОПТУ: $M=18.6$ и $M=17.4$, $p<0.03$ (входящие в эту шкалу утверждения позволяют оценить уровень предвосхищения субъектом новых терактов: насколько вероятным он считает их повторение и прогнозирует возможность их осуществления). Антиципация в значительной степени связана с когнитивной оценкой, осознанием и пониманием угрозы риска стать жертвой теракта. Она проявляется в согласии испытуемых, например, с такими утверждениями: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов»; «У меня возникают мысли о том, что теракты будут повторяться»; «Из-за угрозы терактов лучше не строить планы на будущее». Очевидно, что такие ответы испытуемых основаны на общих знаниях о терроризме и понимании конкретных социальных ситуаций, в которых можно оказаться. Судя по оценкам по шкале «Антиципация», возможные теракты реже оказываются предметом осознания, размышления и понимания макиавеллистов, чем немакиавеллистов. По-видимому, первые в меньшей степени переживают возможность стать жертвой теракта (общие показатели ОПТУ: $M=49.7$ и $M=51.4$, различия не значимы).

Фундаментальная характеристика мировоззрения макиавеллистов — представление о необходимости и универсальности манипуляции в общении. Они понимают теракты прежде всего как способы решения задач, достижения определенных целей самими террористами и теми, кто за ними стоит: «Попытка решить свои проблемы за чужой счет», «Фанатики, управляемые умными людьми», «Умышленное масштабное причинение вреда экономике и людям в той или иной стране по политическим или идеалистическим взглядам». Макиавеллисты полагают, что теракты в современном мире неизбежны: «Это угроза обществу, которую нельзя предотвратить». В качестве причин терактов называют власть, религиозную веру, деньги. Немакиавеллисты, указывая на недопустимость такого мировоззрения и поведения, считают, что «террор — один из самых грязных способов заработать деньги». У них выше, чем у макиавеллистов, общий показатель СЖО ($M=110.7$ и $M=96.8$, $p<0.001$), но ниже тревожность ($M=40.3$ и $M=44.4$, $p<0.005$).

В отличие от антиципации тревожность тесно связана с эмоциональной сферой личности и может не осознаваться. Высокотревожные люди более интенсивно реагируют на события или обстоятельства, которые потенциально содержат возможность неудачи или угрозы. Сравнение результатов 187 испытуемых с высокой тревожностью ($M=53.8$) и 176 с низкой ($M=31.3$) показало, что у высокотревожных выше оценки по общему показателю ОПТУ ($M=55.3$ и $M=45.1$, $p<0.001$) и уровень макиавеллизма ($M=75.8$ и $M=69.3$, $p<0.001$), но зато значительно ниже общий индекс СЖО: $M=93.5$ и $M=116.1$, $p<0.001$. Следовательно, высокотревожные люди сильнее низкотревожных переживают ТУ, более склонны к манипуляции, подозрительности и враждебности. Однако они менее удовлетворены осмысленностью, эмоциональной насыщенностью, целенаправленностью и управляемостью своей жизни.

Понимание ТУ высокотревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах этого явления: «Террористический акт — это глобальное уничтожение, страх смерти, страх за своих близких»; «Смерть, боль, страдание». Низкотревожные считают, что люди должны знать о терактах, «но не должны об этом думать постоянно». Если уж трагедию невозможно предотвратить, то нельзя забывать о необходимых мерах безопасности: «Нужно продолжать жить, пока жизнь есть, и надо принимать определенные меры предосторожности».

С позиций психологии понимания, несомненно, важно выявить индивидуально-психологические особенности испытуемых, различающихся по «способности контролировать ситуацию» ШБУ. Такая способность построена на когнитивном моделировании, осознании и понимании происходящего. Сравнивались данные 198 испытуемых с низкой способностью к контролю ($M=13.5$) и 227 с высокой ($M=20.4$). Низкой способностью к осознанию и контролю соответствует более высокий уровень ОПТУ, а высокой — более низкий уровень: $M=52.0$ и $M=49.4$, $p<0.01$.

Испытуемые, более способные к контролю, в большей степени согласны с утверждением: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов» ($M=3.0$ и $M=2.6$, $p<0.025$). Однако они не согласны с тем, что «из-за угрозы терактов лучше не строить планы на будущее»: $M=1.4$ и $M=1.6$, $p<0.05$.

При осмыслении обсуждаемой проблемы испытуемые с высоким контролем подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей. Террористический акт — это «подготовленное событие», «спланированное мероприятие», «действия, направленные на ухудшение жизни людей», «ошибка служб безопасности». Они понимают теракты как средство достижения политических, религиозных и других целей: «Теракты совершают люди, которые боятся (и потому бьют из-за спины), но не знают других методов». Испытуемые с низким контролем, наоборот, отказываются признать

последовательность и целенаправленную успешность действий террористов. «Террористический акт — это бессмысленные смерти людей, он не приводит к какой-то нужной цели». Если же плановый характер действий признается, то отрицается достижение желаемого эффекта: «Это хорошо спланированная акция, но бессмысленная, так как сила не всегда приносит желаемый результат».

Обсуждение результатов

Общим контекстом, «семантическим фоном» понимания российскими испытуемыми ТУ являются стереотипные и не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит. Без преувеличения можно сказать, что 99% из 698 испытуемых понимают психологию террористов так: «Ожесточенные на кого-то, затаившие обиду психически больные люди»; «Не любящие свой народ, бедные умом, безнравственные, бесчувственные, потерянные, озлобленные, запрограммированные на смерть»; «Религиозные фанатики, не способные контролировать свои действия из-за психологического или иного воздействия на их волю, им плевать на человеческие жизни в угоду денег»; «Люди, которые ненавидят весь мир»; «Самоубийцы, не задумывающиеся о других людях, о чужих жизнях, потерявшие веру в добро и мир на земле».

Такой психологический портрет террориста совершенно не соответствует научным данным. Анализ фактов показывает неверность утверждений о том, что у террористов высокий уровень психопатологии (Moghaddam, 2005). Наоборот, М. Криншоу «пришла к выводу, что “самой общей характеристикой террористов является их нормальность”». К аналогичным выводам пришел К. Хескин, который изучал членов Ирландской республиканской армии (*IRA*). Эмоционально неустойчивых людей или людей с расстройствами среди них обнаружено не было» (цит. по: Соснин, Нестик, 2008, с. 116). Как отмечает М. Гримланд с соавторами, типичный палестинский террорист-смертник религиозен, нормален, вежлив и серьезен. Его действия главным образом мотивированы военно-стратегической эффективностью суицидального терроризма, ненавистью к Израилю и США, а также необходимостью отомстить за национальное и личное унижение. Руководители террористических акций нередко проводят целенаправленную работу по исключению психически нестабильных людей из списка кандидатов в террористы-смертники. Одним из последствий этого оказалось то, что нападавшие 11 сентября 2001 г. на башни-близнецы оставались спокойными и целеустремленными в течение долгого времени до совершения теракта. Наблюдатели описывали их как тихих, отчужденных и немногословных людей, что весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста (Grimland et al., 2006).

Не соответствует действительности и суждение о том, что террористами становятся представители беднейших слоев населения, имеющие низкий уровень образования. Например, Умар Фарук Абдулмуталлаб, 25 декабря 2009 г. пытавшийся взорвать летевший из Европы в США пассажирский лайнер, — сын известного нигерийского банкира, получивший высшее образование в Лондоне. М. Атта, руководивший в 2001 г. нападением на торговый центр в Нью-Йорке, и двое членов его террористической группы имели высшее образование (получили степень магистра в техническом университете в Гамбурге). Большинство членов этой группы происходили из обеспеченных семей среднего класса Саудовской Аравии и Египта. Они были уже сформировавшимися взрослыми людьми, подчинившими свою индивидуальность организации (Post, 2005).

Таким образом, у наших испытуемых наблюдается весьма искаженное понимание психологического облика и мотивов поступков террористов. В основе понимания лежит образ врага — *чужого*, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. Очевидно, что отсутствие достоверных знаний препятствует использованию ментального опыта (Холодная, 2002), построению правдоподобных когнитивных схем, которые могут стать основой понимания ситуаций ТУ. Понимание строится преимущественно на экзистенциальном опыте испытуемых, осуществляющем ценностно-смысловую регуляцию и направляющем весь ход жизни человека. Можно предположить, что незначительный, явно недостаточный для понимания проблем терроризма ментальный опыт испытуемых обусловлен не только отсутствием достоверных знаний, но и нежеланием задумываться, психологической отдаленностью ТУ от их реальной жизни. Иначе обстоит дело в тех регионах нашей страны, в которых нередко происходят теракты. В опросе об отношении к терроризму, проведенном среди студентов Дагестанского госуниверситета, почти каждый пятый из опрошенных давал положительные оценки терроризму: «Это способ защиты своей земли и своего народа», «Месть за родных и близких», «Борьба за свободу, свою веру». Разные варианты позитивных ответов составили 32% у юношей и 15% у девушек (Собкин и др., 2004). Очевидно, что в ментальном опыте жителей тех регионов, для которых ТУ — печальная правда повседневной жизни, содержится больше знаний о политических, религиозных и экономических основаниях терактов. Такие знания приводят к иному, отличному от выявляемого у жителей центральной России, пониманию проблем, связанных с ТУ.

Перейдем к анализу половых различий. Полученные данные о более интенсивном переживании ТУ женщинами, чем мужчинами, соответствуют результатам других исследований, в частности, проведенных Ю.В. Быховец и Н.В. Тарабриной (2010). В диссертации Н.В. Родионо-

вой (2004) обнаружено, что женщины склонны приписывать себе более высокие оценки возможности пострадать от действия радиации, причем это относится как к объективно опасным, так и объективно неопасным ситуациям. Женщины более эмоциональны, чем мужчины, и менее устойчивы по отношению к экстремальным ситуациям (Grossman, Wood, 1993). События 11 сентября 2001 г. американские женщины описывают психологам в более эмоциональных терминах и чаще сообщают об испытываемом дистрессе. Одно из правдоподобных объяснений страха женщин перед терактами заключается в том, что они считают себя более уязвимыми и чаще видят в качестве жертв социальной несправедливости (Chu et al., 2006). Отношение к опасностям по-разному представлено в картине мира мужчин и женщин. Мужчины в целом расценивают как опасные меньшее количество ситуаций. У женщин «более широкий спектр объектов опасности, а, кроме того, они в большей степени беспокоятся не только за себя, но и за благополучие своих близких. Женщины больше подвержены социальным страхам, например, в отношении предательства и одиночества» (Лаврова, 2009, с. 73).

Ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях нам не удалось найти ответа на вопрос: почему молодые люди переживают ТУ в большей степени, чем взрослые? Пока единственную причину можно увидеть в различии личностных качеств. Как и в общей выборке, предикторами ОПТУ является тревожность, однако у молодых величина коэффициента ниже, чем у взрослых ($Beta=0.323$ и $Beta=0.473$; $p<0.001$). На первый взгляд это парадоксально, потому что в молодежной выборке преобладают девушки (113 и 77; $\chi^2=6.82$; $p<0.01$), у которых личностная тревожность значительно выше, чем у юношей ($M=46.45$ и $M=41.71$, $p<0.005$). У взрослых 79 женщин тревожность также выше, чем у 105 мужчин ($M=44.9$ и $M=39.0$, $p<0.005$). Однако причину разницы в величине показателей переживания ТУ, по-видимому, следует искать в неодинаковости системы связей всех анализировавшихся личностных характеристик у молодых и взрослых испытуемых. У первых показатель ОПТУ не связан ни с чем, кроме тревожности. У взрослых он связан с теми личностными чертами, которые еще на этапе планирования исследования выделялись нами как содержательно включенные в когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты переживания и понимания ТУ. У них ОПТУ отрицательно связан с общим показателем СЖО ($r=-0.26$) и убежденностью в возможности контролировать окружающее ($r=-0.23$). Вместе с тем показатель СЖО отрицательно связан с макиавеллизмом ($r=-0.35$) и тревожностью ($r=-0.54$).

Теперь обсудим связи личностных характеристик с пониманием и переживанием ТУ, установленные на всей выборке. В работе обнаружен закономерный факт понимания макиавеллистами терактов как способов решения коммуникативных задач, достижения конкретных целей. Это соответствует мировоззрению макиавеллистов, основанному на пред-

ставлении о неизбежности манипуляции в общении, в том числе человеческой жизнью. Понимание-принятие макиавеллистами моральной допустимости манипуляции жизнью человека, в том числе собственной, выявлялось уже в нескольких исследованиях (Знаков, 2005, 2010).

Неудивительно, что индекс переживания ТУ выше у испытуемых с высокой личностной тревожностью. «Тревожность — индивидуальная психологическая особенность, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не располагают» (Бурлачук, Морозов, 2004, с. 309). Субъективный, индивидуально-личностный характер переживания ТУ не вызывает сомнения: вряд ли объективные обстоятельства жизни людей в Смоленске и Саранске можно назвать располагающими к навязчивым мыслям о возможности стать жертвой теракта. Переживания — непреходящий атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Современные исследования показывают, что переживание является опосредствующим звеном во взаимоотношениях психических состояний и процессов (Фахрутдинова, 2008). В понимании ТУ психический феномен переживания — один из центральных. Переживание как идентификация познающего субъекта с познаваемым объектом дает возможность преодолеть барьеры, встающие на пути познания внешнего мира (Марцинковская, 2004). Именно посредством идентификации переживание может способствовать пониманию причин терроризма («Теракты совершают люди, отстаивающие свои права», «Террористический акт — это протест против чего-либо»).

Очень значимым и важным нам представляется и такой обнаруженный в исследовании факт: высокому уровню способности контролировать ситуацию соответствует низкая степень выраженности переживания ТУ. Этот факт подтверждается данными зарубежных исследований. В частности, А. Тодд с коллегами показала, что способность к контролю может способствовать снижению страха стать жертвой теракта; у интерналов этот страх меньше, чем у экстерналов (Todd et al., 2005).

Итак, исследование показало, что террористическая угроза неодинаково понимается и переживается людьми, различающимися по полу, возрасту и психологическим свойствам личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 2004.

Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2007.

Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М., 2010.

Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М., 2001.

Знаков В.В. Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия // Вопр. психол. 2005. № 6. С. 3—12.

Знаков В.В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева и др. М., 2009. С. 211—225.

Знаков В.В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов // Вопр. психол. 2010. № 2. С. 90—100.

Лаврова Е.В. Представления об опасности и их изменения под воздействием новостных передач // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. № 20. С. 72—74.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000.

Марцинковская Т.Д. Сравнительный анализ подхода к проблеме переживания в философии и психологии // Категория переживания в философии и психологии. М., 2004. С. 261—278.

Падун М.А., Тарабрина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 5. С. 5—15.

Родионова Н.В. Понимание ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

Собкин В.С., Ениколопов С.Н., Кроначев В.М. Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму // Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. М., 2004. С. 114—132.

Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М., 2008.

Фахрутдинова Л.Р. Психология переживания человека. Казань, 2008.

Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб., 2002.

Chu Th. Q., Seery M. D., Ence W. A. et al. Ethnicity and gender in the face of a terrorist attack: A National longitudinal study of immediate responses and outcomes two years after September 11 // Basic and Appl. Soc. Psychol. 2006. Vol. 28. N 4. P. 291—301.

Grimland M., Apter A., Kerkhof A. The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // Crisis. 2006. Vol. 27. N 3. P. 107—118.

Grossman M., Wood W. Sex differences in intensity of emotional experience: A social role interpretation // J. of Person. and Soc. Psychol. 1993. Vol. 65. N 5. P. 1010—1022.

Janoff-Bulman R., Sheikh S. From national trauma to moralizing nation // Basic and Appl. Soc. Psychol. 2006. Vol. 28. N 4. P. 325—332.

Landau M. J., Johns M., Greenberg J. et al. A function of form: Terror management and structuring the social world // J. of Person. and Soc. Psychol. 2004. Vol. 87. N 2. P. 190—210.

Moghaddam F. M. The staircase to terrorism: A psychological exploration // Amer. Psychologist. 2005. Vol. 60. N 2. P. 161—169.

Park J., Felix K., Lee G. Implicit attitudes toward arab-muslims and the moderating effects of social information // Basic and Appl. Soc. Psychol. 2007. Vol. 29. N 1. P. 615—636.

Post J. M. When hatred is bred in the bone: Psycho-cultural foundations of contemporary terrorism // J. of Political Psychol. 2005. Vol. 26. N 4. P. 615—636.

Todd A., Wilson J. C., Casey S. N. Comparing British and Australian fear of terrorism pre and post the Iraqi war // Psychiatry, Psychology and Law. 2005. Vol. 12. N 1. P. 184—193.

Поступила в редакцию
09.02.10